

Лев Альтмарк

ЗЕРКАЛО НОЯ

Рассказы

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

СЫН 3/К

Вторые сутки Арик с родителями ехал на поезде с Урала домой. Где находится этот «дом», Арик толком не представлял, потому что родился и всю свою недолгую жизнь провёл на Урале, но ему не раз говорили, что, как только закончится какой-то непонятный срок, он с родителями вернётся на Украину, где их давным-давно ожидают бабушка с дедушкой.

Тринадцать лет назад закончилась война, но все вокруг постоянно вспоминали о ней, будто для взрослых не было других, более интересных тем для разговоров. Арик удивлялся: как можно помнить то, что происходило так давно? Сам он умел считать пока до десяти, а уж тринадцать лет – такая древняя древность, что в голове не укладывалась! Лишь папа с мамой не любили разговоры про войну, но это и хорошо – с ними хоть не так скучно разговаривать, как с остальными.

В поезде было шумно и интересно. Почти весь вчерашний день Арик, не отрываясь, сидел у окна и разглядывал всё, что в нём проносилось. Сперва он считал людей на перроне, махавших руками вслед поезду, потом принялся за мелькающие дома, но они быстро закончились, и пошли

абсолютно неинтересные вещи, от которых только клонило в сон. Не любоваться же на телеграфные столбы с проводами и сидящих на них галок!

После обеда Арик впервые вышел самостоятельно прогуляться по вагону. Его внимание привлекла узкая ковровая дорожка, протянутая по коридору из конца в конец. Он попробовал громко топнуть, но мягкий зелёный ворс пружинил под ногами и заглушал звуки.

Потом ему встретился толстяк в сиреневой майке и широких парусиновых брюках, куривший у открытого окна. Толстяк оценивающе посмотрел на Арика и, неторопливо пошарив в глубоком кармане, извлёк конфету «Мишка на Севере».

– Как тебя зовут, мальчик? – поинтересовался он и стряхнул с конфеты налипшие табачные крошки.

– Арик.

– А фамилия?

Фамилию Арик забыл. Ему не хотелось останавливаться и беседовать со взрослым, но упускать возможность получить конфету глупо. Он замер перед парусиновыми брюками и взглянул вверх гигантского живота в узкие заплывшие глазки.

– Хотя все вы на одну фамилию, – захохотал толстяк, – Бронштейн какой-нибудь или Эпштейн, а то ещё позаковыристей!

Однако конфету дал и попытался потрепать Арика по волосам, но тот, зажав добычу в кулаке и ощутив на мгновение терпкий запах пота из подмышек толстяка, проскочил под рукой и помчался по коридору, чуть не сбив с ног сердитого проводника, разносившего по купе чай в тонких стаканах и высоких серебристых подстаканниках.

Навстречу попалась какая-то девчонка с распущенными редкими волосёнками и большой куклой в руках.

Вытаращив глаза и раскрыв рот, девчонка проводила его взглядом, а он даже не взглянул в её сторону, потому что хотел поскорее заняться «Мишкой на Севере». Шоколадные конфеты он получал лишь по праздникам, а вот так, ни за что – ни разу.

Перед купе проводников он притормозил и, забыв про конфету, стал разглядывать диковинное сооружение, которое папа назвал вчера «титаном». Арику было строго-настрого запрещено даже приближаться к титану, но сейчас никого из взрослых поблизости не было. В блестящих трубочках и цилиндриках этого замысловатого прибора тысячекратно отразилась его любопытная мордашка, и это Арика развеселило. Он дунул на одну из трубочек, и она тотчас запотела, изображение в ней пропало, но тут же появилось снова. Арик оглянулся, но никого по-прежнему не было, и он качнул блестящий краник, очень похожий на самоварный. Шипящая струйка кипятка брызнула на пол, и Арик пулей выскочил в коридор. И вовремя – по коридору возвращался проводник с пустыми стаканами и бутылками из-под водки, собранными по купе.

Девчонки с куклой уже не было, но толстяк всё ещё курил. Арик присел на откидное сиденье и стал внимательно изучать съёмную металлическую пепельницу между окнами. Пепельница забавно хлопала крышечкой, но вдруг, выскользнув из пазов, с грохотом кувыркнулась вниз. Окурки и спички посыпались на ковровую дорожку, и тут уже Арик не на шутку испугался. А если его поймают проводник и пожалуется родителям? Одними шлепками наверняка не обойдётся...

Он опрометью бросился мимо курившего толстяка в своё купе, плотно задвинул дверь и даже защёлкнул звонкий тугой замок.

Но в купе было душно и скучно. Папа спал на верхней полке, а мама штопала у окна Ариковы носки. Полки напротив были свободны, и, если бы с ними ехали какие-нибудь попутчики, было бы наверняка интересней.

Арик попробовал вскарабкаться наверх к папе, но мама не разрешила, и оставалось только скрепя сердце сидеть у окна. Но и там ничего интересного не было: редкий перелесок, пологие холмы, усеянные пыльным белёсым кустарником, далёкие трубы заводов, коптящие у горизонта.

– Ложись спать, сынок, – сказала мама, – ехать ещё долго, успеешь набегаться по вагону.

– А я не проспю нашу остановку?

– Не проспишь, я тебя разбужу, – улыбнулась мама.

Проснулся Арик от яркого света, ударившего в глаза. До того он уже разок просыпался от резкого толчка на каком-то полустанке, но тогда в купе плавала мёртвенная голубая дымка, которую никак не мог рассеять мутный ночник на потолке, и Арик сразу же заснул снова.

Дверь в купе с шумом отъехала на своих скрипучих колёсиках, пропуская долгожданных попутчиков. Первым внутрь протиснулся широкоплечий военный, следом за ним женщина в кокетливой шляпке с чёрной вуалькой, спускающейся на глаза. Не обращая внимания на Арика и его родителей, военный с грохотом задвинул большой фанерный чемодан на верхнюю полку и крикнул что-то в коридор двум солдатам, которые волокли узлы и баулы. Потом военный с женщиной принялись неспешно раскладывать всю эту гору вещей. Арик сонно наблюдал за ними из-за мамы, рядом с которой лежал, и даже по привычке попробовал сосчитать узлы и баулы, но досчитал до десяти и сбился. На верхней полке зашевелился папа – видно, и его потревожили бесцеремонные попутчики.

Военный вытащил из кармана галифе носовой платок, шумно высморкался и лишь после этого глянул на соседей.

– Не потревожил, граждане? – неизвестно отчего развеселился он. – Ну да ничего, утром побудки не будет, давите ухо хоть до обеда.

Арик приподнялся, чтобы рассмотреть погоны военного. Совсем недавно он научился разбираться в воинских званиях и теперь с гордостью отметил, что с ними едет майор. Одно лишь не очень понравилось: погоны на кителе были чуть выгнуты и торчали вверх крылышками. Арик с восторгом принялся к вкусному запаху кожаной командирской портупей, плотно стягивающей широкую майорскую грудь.

Коротко свистнув в ночи, поезд тронулся, и майор глянул на часы.

– Пора, Танюха, на боковую, – скомандовал он женщине, – уже полвторого. Чаю и кина не будет... Отбой!

А та долго копалась в волосах, откалывая вуальку и вытаскивая шпильки, и, перед тем, как положить на стол, зачем-то облизывала их языком. Одним махом майор забросил своё крепкое тело на верхнюю полку, и через минуту раздался его ровный богатырский храп. За их укладыванием следить было не интересно, и Арик закрыл глаза. Мама поправила сбившееся одеяло, и до утра Арик уже не просыпался.

Первое, что услышал он утром, был запах табачного дыма. При нём и маме папа никогда не курил, и Арик сразу вспомнил ночных попутчиков. Он выглянул из-под одеяла и увидел завивающуюся колечками тонкую табачную струйку над верхней полкой. Мама недовольно зашевелилась рядом с Ариком, а попутчица военного плаксиво протянула с полки напротив:

– Лёначка, опять ты куришь натошак! Совсем не бережёшь здоровье! Сколько тебе можно повторять?!

– Ну что ты, жёнушка, с утра заскрипела? – загоготал майор сверху. – Нет, чтобы пожелать мужу доброго утра, а ты сразу с претензиями! Не по уставу поступаешь, матушка, не по уставу!

Но ноги с полки всё же спустил, и перед Ариковыми глазами замаячили жёлтые с трещинами пятки и белоснежные завязки тонких шёлковых кальсон. Женщина брезгливо фыркнула и отвернулась к стенке, а майор, кряхтя, спустился вниз, нашарил тапки и отправился в коридор.

И тут Арик вспомнил про конфету, подаренную толстяком в сиреновой майке и парусиновых брюках. Он пощупал карманчик рубашки, висевшей на крючке над головой, – конфета была цела, только немного размякла. Ничего, все равно съедобна. Однако хрустеть фольгой под одеялом стыдно, и можно, конечно, встать, но хотелось ещё немного понежиться в тепле рядом с мамой.

Незаметно Арик задремал снова и проснулся, когда за окном было уже светло. Вдоль железнодорожного полотна по-прежнему тянулся перелесок, скучные однообразные холмы бежали вдаль, но среди них всё чаще стали попадаться редкие пролысины ещё не засеянных весенних полей.

Родители уже не спали, и мама сказала:

– Просыпайся, соня, и иди умывайся. Пора завтракать. Скоро проводник чай принесёт.

Сущее наказание подниматься с постели сразу после пробуждения, но раньше, на Урале, мама каждый раз безжалостно стягивала с него одеяло, потому что опаздывала на работу. Сегодня торопиться некуда, и можно поваляться, сколько захочется, однако Арик вспомнил, что почти

ничего ещё не осмотрел за пределами купе, поэтому поскорее натянул рубашку, набросил на плечи бретельки штанов и сунул ноги в сандалии. Неплохо бы пропустить умывание и сразу приступить к котлете с хлебом, за которыми папа вчера бегал на какой-то станции и вскочил на подножку вагона, когда поезд уже тронулся. Но ничего не вышло: мама бдительно следила, и пришлось нехотя, с полотенцем через плечо, идти в туалет.

Когда Арик вернулся, в купе за столом сидели военный с женой и тоже готовились завтракать. Перед ними лежало множество кулчков и свёртков, жареная курица аппетитно выглядывала розовым бочком из пергаментной бумаги, а рядом с ней стояла стеклянная банка с крупной красной икрой. Арик даже не обратил внимания на плоскую баночку шпрот с золотисто-чёрной ленточкой сбоку, а уж шпроты он любил невероятно, и папа иногда покупал их специально для него. Он и икру тоже пробовал, но это было всего один раз и давно. Так давно, что вкуса икры он не помнил, но помнил, как странно и необычно было перекатывать языком крупные полупрозрачные икринки. При нажатии они упруго лопались и прыскали вязким горьковатым соком.

Арик невольно сглотнул слюну и присел рядом с мамой. Сухая котлета, с которой сыпались обжаренные хлебные крошки, в горло уже не лезла.

– Чарку за знакомство? – хлебосольно предложил майор и вытащил из сумки бутылку коньяка. – Дорога дальняя, а ночка лунная...

И тут Арик обратил внимание на папу, который неподвижно сидел у окна и старался не глядеть на стол. Видно, ему тоже хочется икры, решил он, но не просить же первому!

– Мама, я потом! – Арик положил котлету на стол и выскочил в коридор. Пускай майор с женою завтракают одни. Глядеть, как они уплетают икру, было выше его сил.

Навстречу попалась вчерашняя девчонка с распущенными волосами, но уже без куклы. Девчонка опять вытаращилась на него и даже сунула в рот палец.

– Ты кто? – поинтересовался он.

– Валечка.

– А едешь куда?

– Туда, – девчонка неопределённо махнула рукой и поглядела куда-то в конец коридора.

«Совсем маленькая», – решил Арик и сказал: – А мы на Украину. Там у нас дом. И бабушка с дедушкой.

– Тебе сколько лет? – спросила девчонка.

Арик немного подумал и на всякий случай прибавил для солидности:

– Шесть. А тебе?

– Не знаю, – девчонка пожала плечами, но всё же вытянула четыре пальца, потом прибавила ещё один. – Вот сколько...

И тут Арик вспомнил про конфету, всё ещё лежащую в кармашке, и миролюбиво предложил, разворачивая фантик и серебристую фольгу:

– Хочешь укусить?

– Не-а, – ответила девчонка. – Мама не разрешает брать конфеты у чужих.

– Вот глупая, – обиделся Арик, – какие же мы чужие! Мы уже знакомые!

– Тогда ладно, – девчонка зажмурилась и укусила конфету.

В руках у него остался только кончик облитой шоколадом вафли. Впору обидеться, а то и наказать нахапку, но

он не успел: дверь их купе отъехала в сторону, и папа, не глядя на сына, быстро зашагал в тамбур. Лицо его было непривычно бледным, и в руках он сжимал полупустую пачку «Беломора».

– Подожди, я сейчас, – Арик моментально забыл обиду и помчался за папой.

В тамбуре было темно и сыро. На заплёванном полу полно мусора, а из неплотно прикрытой двери между вагонами тянуло пронизывающим ветром, и он зябко повёл плечами. За дверью под рифлёным выпуклым переходом проглядывались ржавые лепёшки вагонных буферов. Через равные промежутки времени они с лязгом бились друг о друга, и этот грохот перекрывал все остальные звуки в тамбуре.

Мятая «беломорина» в папиных пальцах дымила и потрескивала весёлыми искорками, а папа этого словно не замечал, прижавшись лбом к запотевшему стеклу. Мальчик осторожно потрогал его за рукав, и папина ладонь легла на затылок.

– Ничего, папа, – попробовал утешить его Арик, – вот приедем домой, и тоже купим себе икры, правда? Будем есть, сколько захотим.

– Конечно, сынок, – еле слышно пробормотал папа, но в тамбурном грохоте его почти не было слышно, – обязательно купим...

Некоторое время они стояли молча, и Арику было совсем не холодно, потому что папа заслонял его от ветра, потом дверь в тамбур распахнулась, и появился военный из их купе с папирсой в зубах. На плечах у него был офицерский китель, и на кителе по-прежнему смешно топорщились крылышки погон. Из-под расстёгнутой нижней рубахи выглядывала крепкая волосатая грудь.

– Танюха отправила курить в тамбур, – жизнерадостно доложил майор, стараясь перекрычить лязг буфетов. – Ох, эти бабы, всё им не так, всё им что-то мешает! Особенно мы, мужики...

Арик плотнее прижался к папе и принялся исподлобья разглядывать майора. А тот вкусно затягивался папиросой, струйкой выпуская сизый дымок и смешно оттопыривая нижнюю губу. С его приходом по тамбуру распространился сладковатый запах выпитого за завтраком коньяка.

– Слушай, браток, – майор неожиданно перешёл на «ты», обращаясь к папе, – что-то лицо твоё мне знакомо. Мы, случаем, не встречались где-нибудь?

– Встречались, – неохотно ответил папа, по-прежнему глядя в окно. Его пальцы стиснули беломорину, и табак вместе с дымящимися искорками и угольками посыпался на пол под ноги Арику.

– Вот и я про то! Глаз у меня намётанный! – обрадовался майор. – Только вот не припомню, на гражданке или... как?

– Не на гражданке, – ответил папа и полез за новой папиросой, но папирос больше не было.

– На, закуривай! – майор протянул раскрытую пачку «Герцеговины Флор», но папа отрицательно покачал головой. – Так где же?

– Не на гражданке, – повторил папа. – В лагере, гражданин начальник. В вашем лагере...

– Вот оно что... – лицо майора вытянулось. Заломив руки за спину и нахохлившись, словно ворона на ветру, он разок-другой прошёлся по тамбуру и каким-то другим, деревянным голосом спросил:

– Запоматывал я... Ты – по амнистии освобожден или от доски до доски?

– Полностью, всю десятку.
– Пятьдесят восьмая?
– Нет, приговор особого совещания. С сорок второго года, с фронта ещё...

– Ясно, – лицо майора помрачнело ещё больше. – Ну, и как собираешься жить дальше? Небось, думаешь, что за десять лет до конца искупил свою вину перед Родиной?

Папа ничего не ответил и погладил сына по голове:

– Иди, сынок, в купе, здесь холодно, простудишься.
И мама ждёт...

Арику очень не хотелось уходить из тамбура. Он чувствовал, что у папы с майором очень неприятный разговор, и хоть не совсем понятно, о чём они толкуют, оставлять папу наедине с этим человеком не хотелось. А вдруг понадобится помощь? Но папа, не обращая внимания на кислую мину, выпроводил мальчика из тамбура и плотно прикрыл дверь.

Он остановился в коридоре у окна и принялся раздумывать о папе. Сразу же вспомнилось, как ребята из барачков, в которых они жили на Урале, часто дразнили его: «Сын зе-ка, сын зе-ка, батяка хмырь, а мать доска». В «зе-ка» и «хмыре» ничего обидного он не видел, потому что так друг друга обзывали многие, а вот за «доску» дрался смертным боем. И хоть в драках чаще доставалось ему, с поля боя он всегда уходил как победитель.

Арик уже знал, что так называют заключённых, а заключённые всегда в чём-то виноваты. Папа тоже был зеком... Однажды Арик не утерпел и попробовал расспросить, но папа ничего не ответил и только грустно просидел весь вечер у окна, как и сегодня, непрерывно дымя папиросой, а мама, наоборот, страшно рассердилась и не

разговаривала с Ариком весь вечер, но перед сном шепнула на ушко:

– Запомни, сынок, папа ни в чём не виноват. Стыдиться за него нечего...

После её слов он долго не мог заснуть в ту ночь. Как же папа, такой спокойный и справедливый, никогда ни на кого не повысивший голоса, умудрился попасть в лагерь, словно обыкновенный вор или бандит? Разве такое бывает?

Его ещё долго не оставляла мысль осторожно расспросить родителей, но он больше не решался. Может, когда-нибудь они сами расскажут обо всём? Пусть не сейчас, а позже, когда он станет старше...

Кто-то тронул его за плечо. Арик вздрогнул и обернулся. Рядом стояла всё та же девчонка, только волосы её были теперь заплетены в две тоненькие косички. Она снова была с куклой и грызла большое красное яблоко.

– Ты чего? – удивлённо спросила девочка.

– Ничего! – ответил он и вспомнил вчерашнюю конфету. – Дай укусить яблочко!

– Не-а, мама ругаться будет.

Такого вероломства Арик не ожидал. Мало ему загадок с папой, так ещё эта, с косичками...

Он опрометью бросился в купе и забрался с ногами на постель. Ему хотелось зарыться лицом в тёплые мамины колени и рыдать от несправедливостей, обрушивающихся на него одна за другой. Но мама была занята штопкой, лишь сунула ему в руку недоеденную котлету с хлебом и чуть погодя пошла к проводнику за чаем.

Сухая котлета не лезла в горло, но Арик с остервенением жевал её, словно хотел отомстить ей и за папу, вынужденного отвечать на вопросы самоуверенного майора, и за конфету, которую так неосмотрительно дал укусить

девчонке, и вообще за всё, что пока никак не находило своего объяснения, и оттого было вдвойне несправедливым...

Он даже не сразу заметил, как в купе вернулся пахнущий табаком и коньяком майор, который, почесав мохнатую грудь, лениво сказал жене, словно никого, кроме них, тут не было:

– Представляешь, этот наш сосед – бывший зэк! Отмотал червонец без амнистии, а последние два года – даже в нашем лагере. То-то, думаю, лицо его мне знакомо. Только разве их всех упомнишь? Сколько ж этих сволочей прошло через наши руки...

– Фу, как грубо! – поморщилась жена и без интереса спросила: – И давно он освободился?

– Говорит, шесть лет назад, когда я только-только майора получил. Даже это запомнил! Эх, времечко было золотое... А домой едет лишь сейчас – раньше ему, сама знаешь, не положено было. Супругу себе из эвакуированных подыскал, и ребёнка сварганил – мастак...

– И что их только с поселений выпускают? – зевнула майорша. – Жили бы подальше от порядочных людей, пасли бы полярных медведей – меньше с ними мороки было бы. А то вон каким зверем смотрит! Я это сразу заметила. Того и гляди ножом пырнёт – ты уж поосторожней с ним...

– Вот ещё! Испугался я какого-то бывшего зека! – хмыкнул майор и ущипнул жену за подбородок. – Он меня пусть боится – ему не привыкать. Да и не опасны эти ребята, особенно те, которые полный срок на нарах откуковали. Лагерь бесследно не проходят...

Арик внимательно прислушивался к их разговору и по-прежнему ничего не понимал.

– Смотри, как его пацанёнок глазами зыркает, – заметила жена. – Небось, всё доложит своему драгоценному родителю...

– Ну и что? – махнул рукой майор и сладко потянулся. – Его папаша теперь по гроб жизни от страха не оправится. Уж это я гарантирую! Не первый он такой...

Наконец, вернулась мама и принялась поить Арика чаем. Отпив полстакана, мальчик выскочил из купе искать папу. Он вовсе не собирался пересказывать услышанное, просто больше не мог находиться вместе с людьми, которые за спиной говорили одно, а в присутствии мамы сразу замолчали. Они и походили-то больше не на взрослых, а на мальчишек из бараков, дразнивших его сыном зека. Хотя сами-то эти мальчишки – кем они были?

Папа по-прежнему стоял в тамбуре и смотрел в окно.

– Скоро приедем, папа? – спросил Арик.

– Сегодня ночью.

– А спать будем ложиться?

– Конечно, – улыбнулся папа. – Да ты не волнуйся, не проспим.

Впервые за сегодняшний день Арик обрадовался: он приляжет только для вида и закроет глаза, чтобы мама не ругалась, зато ночью, когда нужно будет выходить, никто уже не заставит его лежать в постели. Мальчик хитро прищурился и заглянул в папины глаза:

– Тогда пойдём и ляжем прямо сейчас. Ночь быстрее наступит!

– Иди, сынок, – ответил папа, – я ещё немного покурю и приду. Договорились?

– Только скорее возвращайся, – сказал Арик и помчался в купе.

Не глядя на майора с женой, он быстро разделся и залез под одеяло. Глаза долго не хотели закрываться, но потом всё же закрылись, и он незаметно уснул.

Ему снилось, что он с родителями едет в каком-то другом поезде, на столе перед ними большая банка, доверху наполненная икрой, и её ни у кого не нужно просить, зато есть можно сколько захочется. В купе к ним заходят разные люди – и сердитый проводник, и толстяк в сиреневой майке, и девчонка, пожалевшая яблоко, и даже противный майор с женой, – и всем им Арик великодушно разрешает угоститься из банки. Он и себя не забывает – достаёт чайной ложкой по одной икринке, самой крупной и светящейся, долго рассматривает её на свет, потом отправляет в рот и перекатывает языком мягкий упругий шарик до тех пор, пока тот не лопается. Жаль, вкуса икры так во сне и не разобрать... Впрочем, это не беда, главное, что все вокруг довольны, благодарят его и пожимают руку, как взрослому. И никто больше не дразнит сыном зека...

Мама растолкала Арика уже в сумерках. Первым делом он выглянул в окно: скоро ли долгожданная остановка? Но за окном пока не было ничего, кроме редких далёких огоньков, мелькавших за чёрными размазанными силуэтами деревьев. Наскоро прожевав нескончаемую котлету и запив её холодным чаем, он выскочил в коридор. Хотелось кому-нибудь рассказать о своём сне, но в коридоре никого не было, кроме толстяка, угостившего вчера конфетой. Он одиноко стоял у окна и барабанил короткими волосатыми пальцами по поручню.

– Что, жидёнок, снова за конфетой пришёл? – оживился толстяк. – Хватит... На вашего брата не напасёшься! Вам дай палец, руку откусите! – Он прыснул со смеха,

и вместе с его рыхлым брюхом затряслись широкие парусиновые штанины.

Мальчик поскорее проскочил в тамбур, где папа по-прежнему курил свой «Беломор». Новая пачка, за которой он сходил в купе, когда сын спал, была уже на исходе.

– Ты так всё время и стоял здесь? – удивился Арик.

– Нет, что ты! – покраснел папа, но было ясно, что это неправда. Видно, не хотел сидеть в купе, где сейчас на своих полках сладко похрапывали майор с женой. – Пора, сынок, собираться, через час приезжаем, а поезд стоит всего десять минут.

И тут Арик обратил внимание на то, что папины глаза заплаканы. Таким жалким и беспомощным он не видел папу ни разу. Неужели всё это – противный майор?! Он нахмурился и сжал кулачки, словно вновь собирался драться с обидчиками из барачков, но папа ласково потрепал его по плечу и пробормотал:

– Пойдём, поможем матери собираться. Без нас, мужиков, она обязательно что-нибудь забудет, верно?

...Через полчаса они потихоньку, чтобы не потревожить спящих, вынесли свои вещи в тамбур и стали дожидаться проводника, который должен открыть дверь на станции. Перед выходом из купе мама заставила всех присесть на дорогу, и Арик последний раз глянул на почти пустую банку с икрой. Удивительное дело, но никакой икры ему больше не хотелось!

В тамбуре было темней, чем в коридоре, и различать в сгустившемся за окном сумраке редкие деревушки и непонятные огоньки было гораздо удобней. Мальчик плотнее запахнул курточку и посторонился, пропуская сердитого проводника, с которым за всю дорогу так и не перемолвился ни единым словом. Некоторое время он сле-

дил, как тот неспешно ковыряет ключом в замочной скважине, на ходу распахивает тяжёлую вагонную дверь и, свесившись в гудящую темноту, протирает поручни тряпкой.

В лицо ударил тёплый влажный воздух с терпким запахом молодой весенней зелени. Хотелось следом за проводником высунуться из вагона и посмотреть на мигающий впереди красный фонарь светофора, но папа крепко держал его за плечо.

На миг сладко защемило сердце от предчувствия неизвестности, которая ожидает впереди. Как только поезд остановится, и он выйдет из вагона – а это будет с минуты на минуту, – неизвестность обрушится на него всей своей тяжестью, и нужно будет поначалу к ней приспосабливаться, осваиваться, заводить друзей и, конечно же, отстаивать своё мальчишечье право на существование в новом, ещё не обжитом мире. Это подразумевалось, но было совсем не страшно. Если потребуется, он и зубки кому надо покажет. Ничего, что мал ростом – недаром его дразнили сыном зека...

Арик глубоко вздохнул и в темноте нащупал горячую папину ладонь.

– Ну вот, сын, и приехали, – сказал папа, и голос его дрогнул. – Здесь мы теперь будем жить. Дай Б-г, чтобы повезло...

По пустому ночному перрону к их вагону неловко бежали старичок и старушка.

– Это же наши дедушка и бабушка, – прошептала мама, почему-то вытирая слёзы. – Иди, Арик, первым. Мы за тобой...

НОВАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ

Май в этом году колюч и капризен: поутру на траве не роса, а чуть ли не шуршащая под ногами снежная поземка, и холод такой, что пар изо рта валит. Часам к десяти солнце всё же раскошегаривается и припекает так, что нос, самая незащищенная часть лица, уже обгоревший и облупившийся, снова начинает потихоньку полыхать.

– Поскорей бы лето наступало и каникулы, – лениво рассуждал Арик, сидя за партой в своём седьмом «Д» рядом с закадычным другом Юркой Скворцовым. – Ух, погуляю!

Торопить конец учебного года не стоило, и так осталась неделя занятий, а впереди три долгих летних месяца, на которые строишь кучу планов, а потом не знаешь, чем эти месяцы заполнить. Правда, и пролетают они незаметно, оглянуться не успеваешь. После же остается лёгкая горечь какой-то непонятной потери, но это будет потом, ближе к осени, а сейчас самое приятное – ожидание каникул.

– Скворец, – шепнул Арик, – ты куда летом со стариками намыливаешься?

Юрка неопределенно махнул рукой:

– Тут намылишься, как же! У матери отпуск в феврале, а бату, как всегда, на уборку в Казахстан до осени загонят. Буду с пацанами на речку ходить...

– А мои в Крым собираются, – Арик усмехнулся. – Говорят, надо ребёнку море показать.

– Ого, ребёночек! – хрюкнул Юрка на весь класс и воровато оглянулся на учителя истории Моисея Захаровича.

– Тише, ребята, – устало постучал тот карандашом по столу и, как бы оправдываясь, прибавил: – Понимаю, шестой урок, тяжеловато, но вы потерпите до звонка...

Нового материала по предметам уже не проходили, только повторяли и подчищали хвосты, а кое-кто из учителей, к восторгу ребят, откровенно тянул резину. Но на уроках Моисея Захаровича всегда было интересно, даже когда разговор заходил, казалось бы, о вещах обыкновенных. Вот и сегодня он неожиданно заговорил о... школьном краеведческом музее.

Музей помещался на втором этаже, рядом с пионерской комнатой, и в него никто никогда не ходил, разве что по обязанности. Да и что там смотреть: фотографии знатных земляков, осколки мин и ржавые гильзы, подобранные следопытами на местах бывших боёв, бивень мамонта, похожий на трухлявое бревно, горсть старых монет царской чеканки да разбитая партизанская рация, переданная на вечное хранение из областного краеведческого...

Моисей Захарович с жаром говорил:

– Хочется сделать музей занимательным и не безликим, чтобы в него было действительно интересно приходить. Но как? Давайте подумаем вместе. История нашего края – вовсе не сухое изложение событий, это история жизни людей, наших с вами земляков. Не обязательно выдающихся личностей – их не так много, а самых обыкновенных людей. Даже, представьте, нас с вами! – Он улыбнулся и неожиданно поглядел на Юрку: – Вот ты,

Скворцов, как считаешь, интересно было бы иметь в музее уголок, посвящённый, например, вашей семье?

Ребята в классе захихикали, а Юрка удивленно поднял брови:

– Что в нашей семье интересного? Мы – как все. Дед с бабушкой, сколько помню, на заводе работали, мать – тоже, а батя – шофёр. И подвигов никто из нас не совершал.

– Ну, здесь-то ты не совсем прав, – почти обрадовался Моисей Захарович. – Неинтересных людей нет. В каждом есть какая-то изюминка, что-то любопытное и оригинальное, и это нужно подметить, выделить, чтобы было интересно и поучительно для остальных. А подвиг – это исключение из правил, экстремальный, так сказать, случай, вовсе не характерный для человеческой сущности. История вершится не подвигами отдельных индивидуумов, а ежедневным, кропотливым трудом сотен тысяч и даже миллионов. Понимаешь?

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА